

В конце жаркого, пахнувшего лесными пожарами августа Лене Сойкину сделали операцию. Вернувшись из больницы, Сойкин большую часть дня просиживал на покосившейся скамейке в тени жасминовых кустов, курил и горестно вздыхал.

— Жил себе, жил, никого не трогал, — говорил он, осторожно оглаживая бок под выгоревшей майкой, — и на тебе — загремел под полостную.

Присматривавшие за ним на первых порах его двоюродные сестры Морейкины бестолково переглядывались и согласно кивали головами:

— Ох, и не приведи Господи...

Случайно подвернувшимся соседям Леонид таинственным голосом сообщал: «В самой Москве резали, в столице, — и добавлял ни к селу, ни к городу: — Вот тебе и квота!»

На вопрос же, что за операция была проведена, он уклончиво отвечал: «По мужской линии...»

Сильная половина дома, и прежде не жаловавшая Сойкина за раздувание необоснованных слухов о конце света, услышав про эту самую «мужскую линию», стала всячески его избегать. Завидев Ленью, иной начинал с беспокойством посмат-

рывать на небо и, бросив на ходу что-то вроде: «Видимо, снова зальет», хотя дождей не было с весны, боком-боком, опрометью выскакивал на улицу через низкую калитку.

— Черт его знает, чем он хворает, — сокрушался дед Погребок, держа в руке тонкий пластмассовый стакан с вином и осторожно рассматривая сквозь щель в гаражных воротах прилегающую территорию. — По мужской линии... Вот и думай, остерегайся теперь. Нет, ребята, до полного выяснения нам его до себя допускать — не моги!

Лишенный таким образом коллективной поддержки, Сойкин стал злым и раздражительным. В его речи появились выражения, явно почерпнутые из больничного лексикона. Ускользавшим от разговора женщинам он бросал в спину:

— У-у, еще одна аденома...

Хотя, справедливости ради, нужно признать, что до определенного момента Ленья вел себя тихо. Видимо, еще надеялся, что у людей проснется интерес и они захотят услышать о его перипетиях. Но время шло, ничего не менялось, и он сорвался.

Первой жертвой стал Погребок.

Прижав деда к обшарпанной двери подъезда, Ленья, переходя со свистящего шепота на крик, стал быстро и путано рассказывать, как он перенес операцию, как появилось подозрение, что болезнь затронула кости и суставы и ему, Лене, в кровь вводили какую-то краску. Но, слава Богу, все обошлось.

— В тебя, — напирал он на Погребка, — когда-нибудь краску вливали? Вливали, я спрашиваю, или нет? А в томограф запикивали? Ополчились тут против меня. Вижу... Жалости в вас нет, вот что, — закончил он чуть не плача и пошел прочь, спотыкаясь о дорожку, густо заросшую гушиной травкой.

Дед кое-как отлип от двери и на негнущихся ногах бросился «донести обществу». И «общество» усилило бдительность, но и Ленья поднапрягся и в течение недели смог изловить каждого по отдельности.

Когда мужчины пережили это испытание, а по выражению Коли Рябко, «крутанулись на чертовом колесе», и до тонкостей ознакомились со страданиями Сойкина (впрочем, не узнав главного: что это за болезнь и каковы ее последствия), наступила очередь женщин.

— Послушай, Коля, — говорила мужу за обедом жена Рябко, — уговорите Сойкина. Он мне сегодня полчаса толковал про какую-то там простату. И такая она, и сякая. А оно мне надо? Я так и не поняла... То ли он про сноху нашу намекал, то ли про эту свою Катюку-беглянку?

К своим сорока семи скомканно прожитым годам Сойкин успел дважды выслушать вальс Мендельсона и дважды развестись. Причем последний брак был торжественно закреплен венчанием в церкви, но Ленья обладал такой неудержимой тягой до женской юбки, что даже высшие силы вынуждены были отступить. Последний год Сойкин прожил с Катей Попейкиной, неизвестно как и откуда появившейся в городе. Несмотря на обоюдное влечение к стакану, жили они чистенько. Катя управлялась на двух работах, так что мучимый многочисленными болячками Сойкин заботой о хлебе насущном себя не утруждал, ограничивая свой вклад в общую корзину пособием по безработице.

Придя однажды с работы, Катя застала в квартире постороннюю женщину и устроила показательное выступление. Для начала она перебила часть посуды, а затем изорвала два десятка отрывных календарей, кото-

рые Леонид собирал на протяжении всей жизни. Опомнившись, Сойкин запустил в Попейкину пепельницей, но промахнулся, чем довершил трагедию, разбив телевизор. Обозрев поле битвы, Катерина сгребла с полок в мятую клетчатую сумку то немногое, с чем когда-то пришла, размашисто перекрестила воздух над головой Леонида, плюнула ему под ноги и, гордо подняв голову, удалилась. Так Сойкин сразу лишился и хлеба, и зрелищ.

Наступил октябрь. Сойкин исхудал и стал реже выходить на улицу, а больше сидел у залитого дождем окна, пуская тонкой струйкой табачный дым в сторону приоткрытой форточки, уныло наблюдая, как его подхватывает сквознячок и закручивает, смешивая с водяной пылью. Только когда смеркалось, он отваживался, набросив на плечи пахнущую мышами куртку, пройти по двору несколько кругов, огибая черные поленницы дров и облупившиеся душевые кабинки со снятыми на зиму баками.

Дед Погребок и другие мужики внимательно наблюдали за Леонидом со стороны и втайне друг от друга готовились сменить гнев на милость. Тем более что недавно гостивший у Донских сын, врач по образованию, популярно объяснил им за карточной игрой историю болезни Сойкина.

А в двадцатых числах неожиданно вернулась Катя Попейкина и повела себя так, словно и не уходила. Критически оглядев запущенное хозяйство с размороженным холодильником и хлебницей, забитой пустыми целлофановыми пакетами, она самодовольно усмехнулась и погнала Сойкина со списком по магазинам.

В калитке его тормознул дед Погребок.

— Здорово, Леонид. Катерина-то, вижу, вернулась? — Он потоптался. — Насовсем или как?

Сойкин неопределенно качнул головой. Он и сам не знал ответа, да и обида на соседей никому не делась, поэтому говорить не хотелось. Погребок это почувствовал.

— Ты зла на нас не держи. Дураки мы, вот что... А за Катьку держись, коли вернулась. Без бабы жить трудно, по себе знаю.

— Вернулась, — вздохнул Сойкин. — Да только как оно у нас пойдет теперь... Ведь резаный я, дед. В самом неподходящем месте.

— В курсе мы... Только ты, Ленька, сомнения эти отбрось, — сглотнул подкатившую к горлу и удивившую его самого жалость Погребок. — Ты мне верь: бабы, они ведь, как кошки, беду и болячки разные за версту чуют. Раз пришла, значит, все у вас сложится. Ну, беги, куда шел. Да! — потянул дед за рукав сорвавшегося с места Сойкина, — в гараж-то, до Николая, дорожку не забывай. Шестой нам позарез требуется. Выкroiшь время — милости просим.

ПРОТОТИП

Вениамин Втемяшин заканчивал очередную повесть, сюжет которой он мучительно вынашивал в течение последних двух лет.

Собственно, события в ней разворачивались следующим образом. Некий коммерческий директор Грузелков после трагической гибели горячо любимой супруги разочаровывается в жизни, бросает все нажитое, самым пошлым образом запивает и в один из дней садится в первый попавшийся поезд с тем, чтобы покинуть опостылевший город навсегда. Затем, после ряда мелких и незначительных событий, Грузелков оказы-

вается в отдаленном, гибнущем перестроенном колхозе. Живет бродягой в брошенном доме, но случайное знакомство с женой местного председателя Нюрой Огольцовой и возникшая вследствие этого любовь в корне все меняют. Грузелков начинает работать, его замечают и выдвигают. А когда запутавшийся в махинациях Огольцов стреляется, Грузелкова единодушно избирают новым председателем, и он, переведя свои деньги на счета колхоза, тем самым спасает его от банкротства.

Дело двигалось бойко, и за все время работы у Вениамина только дважды возникали затруднения.

Первый раз, когда нужно было определиться с кончиной жены Грузелкова. По мнению Втемяшина, почить Ольга Ивановна должна была торжественно и красиво — как и подобает жене коммерческого директора. Но, словно предчувствуя неминуемую гибель и желая насолить автору, последняя постоянно встревала в сюжетную канву и переводила все на кровавую разборку. В конце концов, справедливо рассудив, что это не главное, Вениамин попросту отправил ее к стоматологу, где после ошибочно введенного препарата она и скончалась.

Со второй проблемой дело обстояло сложнее. Втемяшин абсолютно не был знаком с колхозной жизнью и честно признавался себе в том, что понятия не имеет, что там творилось в далеких девяностых, о которых собирался поведать читателям.

Поэтому Вениамин не стал мудрить лукаво, а позвонил давнишнему своему приятелю Егору Яшкину, который в свое время работал в районной газете «Сельские просторы» в отделе писем.

— Понимаю, понимаю, — выслушав Втемяшина, откликнулся на другом конце провода Яшкин. — Конечно, можно порыться в старых подшивках и подобрать нужный материал. Мы тогда много об этом писали, но не лучше ли тебе самому съездить? Осмотреться, подышать местными, так сказать, испарениями. Да и адресок, если надумаешь, могу подбросить — есть у меня координаты одного бывшего «преда». Крепкий стариканище! В критический момент и сам удержался, и хозяйство свое удержал. Правда, москвичи потом-таки под себя все подгрести, но это уже другая история. Он и новой власти пришелся ко двору — ходит, почитай, в советниках. А зовут его Колядко Иван Федорович.

И Яшкин продиктовал адрес.

* * *

— А, Яшкин! Помню. Не испортился? Как он?

— В областной теперь трудится. А вам велел кланяться.

— Ну и добро. А вы что же, тоже из пишущей братии?

— Повесть пишу.

Втемяшин, раскрасневшийся с мороза, сидел в жарко натопленной комнате напротив Колядко, придерживая на коленях кожаную папку.

— Повесть-то, наверное, потяжелее писать, чем в газету?

— И не говорите. — Втемяшин вздохнул и покрутил головой, рассматривая многочисленные фотографии и почетные грамоты, развешенные на стене. — О вас, можно сказать, о сельских работников пишу.

— Это правильно, — кивнул Колядко. — О нас редко писали, а теперь и вовсе забывать стали.

— Только вот события происходят у меня в девяностые, а как да что — подробностей того периода не знаю. Так что хотелось бы из, так ска-

зять, первоисточника. Вы уж, Иван Федорович, поподробнее мне все расскажите. За тем к вам и пожаловал.

— Понимаю, — согласился Колядко. — Дело это специфическое. Ну, слушай племя младое, незнакомое...

Иван Федорович оказался на редкость интересным рассказчиком. Говорил он много и горячо, заметно волнуясь. Чувствовалось, что картины прошлого еще достаточно ярко встают перед ним.

«А ведь по такому материалу и фильм снять можно, — едва успевая записывать за Колядко, восторженно думал Втемяшин. — Да что там фильм — сериал!»

...— А, говорю, вот что тебе надо! А вот это вот видел? Да как вдарю по столу — так у него все на пол и полетело. Щепки с моего хозяйства не получите, говорю, не за то кровь свою проливали...

— Да, дела у вас тут творились, — посочувствовал Вениамин. — Тут хочешь — не хочешь, а... Вот Огольцов и зашил.

Втемяшин, как часто это бывает с авторами, воспринимал и говорил о своих героях, как о вполне реальных, живых людях.

— Огольцов? Кто такой Огольцов? — удивленно вскинулся Колядко.

— Огольцов — это председатель местный. Ну, прототип ваш, понимаете? Ой, как все верно! У вас тут прямо война была. Все рушится, разваливается, а до вас и дела нет никому. Как хочешь, так и выживай. Не всякому по плечу такое испытание. Сами же вы сейчас об этом говорили, так?

— Ну, так, — хмуро подтвердил Колядко.

— Ну вот! — бодро продолжил Веня. — И что же, по-вашему, глядя на все это безобразие, он остается равнодушным, холодным наблюдателем? Нет! Он начинает спиваться, а затем и стреляется.

— Кто? — еще больше удивился Колядко.

— Да вы, кто же еще. Вернее, прототип ваш — Огольцов. У вас-то ружье есть? Ну вот! Приставили к груди и — бац! Наповал. А жена ваша, тьфу ты, что-то я все путаюсь... Огольцова жена, Нюра, бегом к Грузелкову. Это бывший коммерческий директор, он к вам случайно попал. Она, эта Нюра мужа своего не любила, терпела, а тут такие перемены. Ну, она и...

Несколько минут и Втемяшин и Колядко сидели молча. Один обдумывал все сказанное, другой все услышанное.

— А ну-ка катись отсюда, писака, — гневно взревел Колядко. — Молокосос! Прототип тебе понадобился? Вот тебе мой прототип!

Костыль, мирно лежавший до этого момента рядом со стариком, описал дугу и прельбно ударил по колену Вениамина.

— Ай, да что ж вы деретесь, — изумился Втемяшин, между тем поспешно застегивая пальто и пятясь к двери. — Это вам не девяностые...

Улица встретила его колючим снежком и усилившимся морозом. Иссиня-черной волной быстро надвигались сумерки. Веня посмотрел на часы. До автобуса оставалось еще около часа времени. Оглянувшись, он увидел, как в слабо освещенном окне то появлялось, то исчезало сердитое лицо Колядко.

«Еще выбежит. Ишь, драчун! Вот и пойми этих сельских жителей. Представляю, каким он был лет двадцать назад! — с досадой подумал Вениамин. — Да, такой своего не отдаст. Ну да ладно, как говорится, на месте преступления побывали, отпечатки сняли... А дальше — где так, где не так... Не впервой — додумаем».

И прихрамывая на ушибленную ногу, писатель Втемяшин медленно побрел в сторону занесенной снегом автобусной остановки.